ЯРОСЛАВСКІЙ ДОМЪ ПРИЗРѢНІЯ БЛИЖНЯГО

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВОСПИТАННИКА ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Время въ которое мы живемъ трудное, горькое время. Всѣ чего-то ждутъ, чего-то боятся, къ чему-то прислушиваются. А отъ чего все происходитъ? Отъ того что вѣра ослабѣла, уваженіе къ закону и его требованіямъ поколебалось, дисциплина страдаетъ. И все это произошло лишь въ послѣдніе годы, годы мнимаго либерализма и всяческихъ поблажекъ. А корень всего—воспитаніе. Вопросъ о воспитаніи столь сложенъ, столь разнообразенъ, что опредѣлить его, установить его въ какія-либо рамки, сдѣлать общимъ, нѣтъ возможности. Но основы воспитанія должны быть одинаковы: развитіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства, преданности Царю и отечеству, стремленіе исполнять точно свои обязанности. Это направленіе должно быть во всѣхъ слояхъ общества внушаемо дѣтямъ, начиная съ того возраста когда ребенокъ дѣлается способнымъ понимать, затѣмъ усиливаться по мѣрѣ развитія ребенка и непрерывно сопровождать его до того времени когда ребенокъ самъ сдѣлается человѣкомъ, членомъ общества. Такое направленіе должно быть организовано съ особеннымъ тщаніемъ въ общественныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ.

Двадцать, двадцать лять лѣтъ назадъ воспитаніе при всѣхъ его недостаткахъ въ основѣ было правильнѣе чѣмъ теперь, и это мы можемъ подтвердить фактами. Съ этою-то цѣлію мы и желаемъ подѣлиться съ читателями воспоминаніями о мѣстѣ своего воспитанія.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію того заведенія которое называется „Ярославскій Домъ Призрѣнія Ближняго“, считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Вспомнимъ, какъ въ прежніе годы учили чтенію. Читать учили въ нѣкоторыхъ деревняхъ и въ низшемъ слоѣ городскаго общества по церковнымъ книгамъ: по Часослову или Псалтырю. При этомъ учившій или учившая читать знали на память послѣдовательно все находящееся въ этихъ книгахъ. Вслѣдствіе такого знанія учившіе во время обученія производили какія-нибудь ручныя работы и тотчасъ исправляли ошибки читающаго возлѣ нихъ ученика.

При обученіи чтенію *гражданской печати* въ большомъ употребленіи былъ такъ-называемый *Букварь*, изданный, точно не припомнимъ, или Святѣйшимъ Синодомъ, или Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Букварь этотъ содержалъ въ себѣ азбуки: гражданскую и церковную, затѣмъ *склады*, послѣдовательно усложнявшіеся, потомъ цѣлыя изреченія и наконецъ молитвы и заповѣди. Помню, съ какимъ нетерпѣніемъ каждый учившійся чтенію ожидалъ окончанія складовъ чтобы перейти къ чтенію изреченій. Эти изреченія начинались такъ:

„Уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ. Кто боится Бога и честно поступаетъ, тотъ не страшится ничего.“

И такихъ изреченій было нѣсколько десятковъ. Изреченія эти каждый учащійся не только разбиралъ, но и зналъ наизустъ. Изреченія эти глубоко врѣзывались въ памяти и часто повторялись при нѣкоторыхъ случаяхъ дѣтской жизни.

Первое чтеніе составляетъ одинъ изъ важныхъ моментовъ жизни, и здѣсь ребенокъ получалъ такія наставленія, которыя должны были служить ему главными основаніями во всю его жизнь.

Возьмемъ также прежнее обученіе письму. Послѣ различныхъ палочекъ, выучивались писать отдѣльно каждую букву, послѣ чего переходили къ письму отдѣльныхъ словъ и наконецъ цѣлыхъ связныхъ статей. Переходъ къ письму

цѣлыхъ статей также считался важнымъ моментомъ въ жизни учащагося. При этомъ лишущему давалась учителемъ *пропись*, съ которой онъ долженъ былъ списывать. Что же въ прописяхъ давалось? Тѣ же изреченія что и при чтеніи, съ дополненіемъ новыхъ въ родѣ слѣдующихъ: „Бога бойтеся, Царя чтите“, или: „Время драгоцѣнно; потеря его ужасна, ибо прошедшее время никогда уже не воротится“ и т. п.

Если прибавить что каждая пропись списывалась учеником до тѣхъ поръ пока безукоризненно была исполнена работа, что продолжалось нѣсколько десятковъ разъ, то понятно что содержаніе прописи заучивалось наизустъ и составляло одинъ изъ полезныхъ воспитательныхъ элементовъ.

Мы не имѣемъ цѣлію входить въ разборъ системы воспитанія * и упомянули о началахъ обученія только для того чтобъ указать, съ какимъ направленіемъ вступали дѣти въ то заведеніе которое мы имѣемъ въ виду.

—

Ярославскій Домъ Призрѣнія Ближняго основанъ въ 1786 году исключительно на суммы пожертвованныя дворянствомъ и купечествомъ Ярославской губерніи. При учрежденіи дома пожертвовано было 34.100 рублей ассигнаціями. **

Домъ Призрѣнія Ближняго имѣетъ своимъ назначеніемъ призрѣніе и *воспитаніе* сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей; но вмѣстѣ съ тѣмъ заведеніе это предоставляетъ возможность частнымъ лицамъ воспитывать въ немъ своихъ дѣтей и родственниковъ за умѣренную плату.

Изъ воспитывающихся въ Домѣ Призрѣнія Ближняго дѣтей,—мальчики ходятъ для обученія въ гимназію, уѣздное и и приходское училища, а дѣвочки обучаются въ самомъ заведеніи и по окончаніи курса подвергаются въ заведеніи испытанію для полученія свидѣтельствъ на право первоначальнаго обученія дѣтей.

При учрежденіи Дома Призрѣнія Ближняго было восемьдесятъ воспитанниковъ обоего пола; а въ 1872 году было

---

* Надѣемся въ недальнемъ будущемъ представить читателямъ нѣсколько картинъ современнаго воспитанія, снятыхъ съ натуры.

** Свѣдѣнія эти и нѣкоторыя изъ послѣдующихъ заимствованы нами изъ отчета о состояніи Дома Призрѣнія Ближняго за 1872 годъ, помѣщеннаго въ № 25 *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1873 года. Это былъ, кажется, первый напечатанный отчетъ со дня основанія Дома.

восемьдесятъ одинъ воспитанникъ и сто сорокъ одна воспитанница, изъ которыхъ пятьдесятъ воспитанниковъ и семьдесятъ воспитанницъ содержались на суммы заведенія, а остальные на счетъ разныхъ суммъ или же на счетъ родителей, родственниковъ или вообще частныхъ лицъ.

Всего съ основанія Дома въ теченіе восьмидесяти семи лѣтъ въ немъ призрѣно 1.498 мальчиковъ и 2.381 дѣвочка, а всего 3.879 человѣкъ, кромѣ бывшихъ въ этомъ заведеніи своекоштныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ (1851—1857) воспитанниковъ было около шестидесяти человѣкъ, между ними пансіонеровъ былъ только одинъ, всѣ остальные получали воспитаніе на суммы заведенія. Пансіонеры вносили за полное содержаніе, какъ-то: помѣщеніе, одежду, обувь, учебныя пособія и плату за обученіе въ учебномъ заведеніи, девяносто рублей въ годъ.

Такъ какъ мы не имѣемъ свѣдѣній о женскомъ отдѣленіи, то во всемъ послѣдующемъ изложеніи будемъ говорить только о томъ что̀ относится къ жизни воспитанниковъ.

Въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ принимались преимущественно сироты бѣдныхъ чиновниковъ Ярославской губерніи; вслѣдствіе этого Домъ Призрѣнія Ближняго въ обществѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ „сиротскаго дома“. Еслибы спросить въ городѣ, гдѣ находится Домъ Призрѣнія Ближняго, то навѣрное отвѣтъ былъ бы: не знаю; на вопросъ же, гдѣ помѣщается сиротскій домъ, всякій дастъ вѣрное указаніе. Кромѣ сиротъ принимались и дѣти имѣющія родителей, но такихъ которые, желая дать образованіе дѣтямъ, не имѣли возможности своими средствами достигнуть этого желанія.

Прошенія о пріемѣ подавались губернатору, который своею властію принималъ на казенный счетъ. Но предварительно онъ наводилъ справки у подлежащаго начальства о средствахъ просителя, а также и о томъ, заслуживаетъ ли проситель своими служебными качествами той милости о которой онъ проситъ. Въ случаѣ удовлетворительнаго отзыва, сынъ просителя зачислялся казеннымъ воспитанникомъ Дома Призрѣнія Ближняго.

Принятый вновь воспитанникъ является въ заведеніе. Ему тотчасъ давали форменный видъ. Первымъ дѣломъ стригли волосы что̀ называется наголо̀; въ такомъ состояніи были волосы всѣхъ воспитанниковъ безъ различія возраста;

затѣмъ обували и одѣвали въ казенное платье. Новобранецъ готовъ; сейчасъ же начинается знакомство со своими товарищами; не обходится дѣло безъ линковъ и щилковъ которыми производится посвященіе новичка въ новое званіе. Въ большинствѣ случаевъ новобранецъ морщится, ежится, такъ какъ ему ранѣе уже родители или родственники сообщили объ этомъ, предупреждали что нужно терпѣть, для того чтобы заслужить расположеніе товарищей, и приговарили: помнишь что̀ написано въ *Букварѣ*: „сноси терпѣливо всѣ неудовольствія“.

На слѣдующій день новичка-воспитанника отправляли въ то учебное заведеніе въ которое родители или родственники заявили желаніе помѣстить, что̀ конечно находилось въ связи съ возрастомъ и познаніями ребенка.

Обучались воспитанники, какъ сказано уже, въ гимназіи, уѣздномъ и приходскомъ училищахъ. Большинство обучались въ гимназіи; но бывали случаи, и нерѣдко, что гимназическій курсъ оказывался не по силамъ мальчика; тогда, дойдя до третьяго, много до четвертаго класса, воспитанникъ переходилъ въ уѣздное училище и тамъ оканчивалъ курсъ. А окончаніе курса въ уѣздномъ училищѣ давало права на поступленіе въ гражданскую службу и избавляло отъ испытанія на первый классный чинъ.

По окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ нѣкоторые поступали въ военную службу вольноопредѣляющимися и оставались въ ней; бо́льшая же часть поступали въ канцеляріи различныхъ губернскихъ учрежденій. При поступленіи въ гражданскую службу губернаторъ содѣйствовалъ бывшимъ воспитанникамъ къ скорѣйшему зачисленію ихъ въ то или другое казенное учрежденіе.

Окончившіе курсъ въ гимназіи большею частію также поступали въ гражданскую службу, мѣньшинство продолжали образованіе въ Демидовскомъ Лицеѣ, въ которомъ воспитанники Дома Призрѣнія Ближняго принимались всегда въ число казенныхъ студентовъ.

Наконецъ были очень рѣдкіе случаи что воспитанникъ, окончивъ курсъ въ гимназіи, отправлялся въ Московскій Университетъ. Такое явленіе было рѣдкимъ, чего главнѣйшею причиной была боязнь остаться въ Москвѣ безъ куска хлѣба, не имѣя ни собственныхъ средствъ, ни руководителей. Съ другой стороны, близость Лицея и удобныя условія

для образованія въ немъ отвлекали молодыхъ людей отъ мысли ѣхать въ Москву. Наконецъ большинство увлекалось примѣромъ своихъ предшественниковъ, которые, поступивъ на службу, часто являлись въ мѣсто своего воспитанія и разказывали меньшимъ братьямъ своимъ о прелестяхъ своей жизни.

Впрочемъ, не взирая на всѣ по истинѣ серіозныя препятствія, бывали такіе храбрецы которые на свой страхъ отправлялись и въ университетъ. Съ гордостію можно сказать что всѣ *извѣстные намъ* воспитанники бывшіе въ университетѣ окончили въ немъ курсъ и въ настоящее время почти всѣ находятся на службѣ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По окончаніи курса воспитанникъ былъ свободенъ, но ему предоставлялось право пользоваться и ломѣщеніемъ и столомъ вмѣстѣ съ воспитанниками впредь до тѣхъ поръ пока онъ устроится на избранномъ имъ пути жизни. При выходѣ изъ заведенія воспитанникъ получалъ двѣ пары бѣлья, одну пару платья, одну пару сапогъ и шинель.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ заведеніи, получая отъ него все необходимое, даже образованіе, воспитанникъ ничѣмъ не обязывался предъ заведеніемъ и, уходя въ послѣдній разъ, не зналъ кого идти благодарить за тѣ милости которыми онъ пользовался, не зналъ даже тѣхъ которые дали ему возможность честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба во всю жизнь.

Какъ сказано уже, заведеніе содержалось на проценты съ благотворительной суммы, которая, между прочимъ, еще дополнялась доходомъ съ залъ отдаваемыхъ въ наемъ. Но главнѣйшимъ усиленіемъ средствъ была ежегодная подписка съ членовъ общества Ярославской губерніи. Съ этою цѣлію ежегодно въ весеннее время губернаторъ приглашалъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней общество Ярославской губерніи (объ этомъ извѣщались и жители уѣздныхъ городовъ губерніи) къ обѣднѣ въ Домъ Призрѣнія Ближняго.

Въ назначенный день, послѣ литургіи совершаемой архіереемъ, всѣ направлялись въ большой залъ, гдѣ губернаторъ сообщалъ обществу отчетъ о состояніи заведенія за истекшій гражданскій годъ. Затѣмъ губернаторъ, открывая своею подписью листъ, предлагалъ обществу пожертвовать въ пользу заведенія. Подписной листъ переходилъ тотчасъ отъ

одного къ другому, и блюдо стоявшее здѣсь же быстро покрывалось кредитными билетами на благо воспитываемыхъ дѣтей. Такъ въ 1872 году, во время бывшаго таковаго собранія, 25 марта, пожертвовано было 1.463 рубля.

Кромѣ того частная благотворительность не оскудѣвала; въ теченіе того же 1872 года прислано въ Домъ Призрѣнія Ближняго разными лицами 627 рублей.

Соединяя эти двѣ суммы получимъ что въ теченіе 1872 года пожертвовано 2.090 рублей.

Въ томъ же году выручено чрезъ отдачу залъ дома въ наемъ 581 рубль 20 копѣекъ.

Не безынтересны цифры представляющія расходъ заведенія. По отчету за 1872 годъ видимъ что на казенный счетъ воспитывалось всего мальчиковъ и дѣвочекъ 120 человѣкъ (50 воспитанниковъ и 70 воспитанницъ), сверхъ того на суммы разныхъ лицъ содержались 31 воспитанникъ и 71 воспитанница. Въ расходъ въ продолженіе года употреблено 23.619 руб. 42¼ коп. Въ эту сумму входитъ все содержаніе, какъ-то: жалованье служащимъ при домѣ (7.260 р. 23 к.), продовольствіе воспитываемыхъ дѣтей (7.053 р. 59½ к.), одежда, бѣлье, постель и мытье (2.003 р. 17¾ к.), обувь (1.211 р. 55 к.), учебныя пособія, выписка журналовъ и содержаніе музыкальныхъ инструментовъ (для воспитанницъ) въ исправности (589 р. 7 к.), за ученіе воспитанниковъ въ гимназіи и уѣздномъ училищѣ (965 р.), отопленіе (2.581 р. 30 к.), освѣщеніе (442 р. 82 к.), медикаменты (659 р. 37 к.), на покупку и починку посуды (156 р. 63 к.) и на разныя по заведенію потребности (696 р. 68 к.).

Всѣ эти цифры указываютъ статьи расходовъ, и между ними на первый разъ поражаетъ читателя сумма жалованья служащимъ, составляющая почти одну треть всего расхода. Но если принять во вниманіе что въ этой статьѣ находится плата за уроки всѣмъ учителямъ и учительницамъ въ отдѣленіи воспитанницъ, то эта цифра окажется очень умѣренною.

Но цифры эти будутъ поразительны если опредѣлимъ во что̀ обходится каждое воспитываемое лицо. На сумму 23.619 р. 42¼ к. содержалось 222 человѣка, слѣдовательно полное содержаніе каждаго въ продолженіе года стоило 106 р. 39 к.! Цифра кажется невѣроятною, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная.

Не имѣя данныхъ о средствахъ и расходахъ того времени

о которомъ мы говоримъ, можемъ только подѣлиться тѣмъ какъ жили воспитанники лятидесятыхъ годовъ.

Одежда воспитанниковъ состояла изъ однобортной куртки о девяти металлическихъ луговицахъ съ гербомъ Ярославской губерніи. Куртки сдѣланы изъ гвардейскаго сукна, подкладкой служилъ бѣлый, довольно толстый холстъ.

Каждый воспитанникъ имѣлъ три куртки: домашнюю, классную и парадную; послѣдняя надѣвалась только къ обѣднѣ въ воскресные и праздничные дни. Парадныя куртки строились ежегодно осенью, послѣ постройки новыхъ, бывшія парадныя переименовывались въ классныя, а классныя обращались въ домашнія. Домашнія куртки къ концу года обыкновенно имѣли видъ очень невзрачный: заплатъ нѣсть числа, луговицъ иногда значительно меньше девяти.

Постройка новыхъ куртокъ производилась въ полковыхъ швальныхъ, что значительно дешевле спеціальныхъ мастерскихъ. Предъ пріемомъ заказа изъ швальной являлся закройщикъ и снималъ съ *трехъ* воспитанниковъ мѣрки, по которымъ и приготовлялись всѣ 60 паръ. Три выбранные воспитанника служили представителями трехъ *возрастовъ* воспитанниковъ; одинъ служилъ образцомъ младшаго (по росту) возраста, второй—средняго и третій—старшаго.

Куртки сшиты, воспитанниковъ собираютъ въ свободное время въ сборный залъ, приказывая: „пригонять куртки“. Каждому воспитаннику дается пара изъ того возраста къ которому онъ принадлежитъ, тотчасъ одѣваются въ обновки; очень многіе получили куртки вовсе невозможныя для ношенія, тотчасъ происходитъ обмѣнъ съ одного плеча на другое и подобныя перемѣны повторяются нѣсколько разъ; оказывалось въ концѣ концовъ что *почти* всѣ пригнали подходящее себѣ платье. Для воспитанниковъ не нашедшихъ для себя удобной пары платья передѣлывались принесенныя, и такимъ образомъ послѣ передѣлки всѣ были снабжены новымъ костюмомъ. Послѣ осмотра лекторами, * дядьками и смотрителемъ заведенія, новыя куртки дѣлались личною принадлежностію каждаго воспитанника и на подкладкѣ немедленно выставлялся каждымъ воспитанникомъ свой нумеръ.

Обувь пригонялась точно такъ же какъ и куртки, причемъ салоги были дѣланы на прямую колодку, т.-е. каждый салогъ

* О нихъ будетъ сказано послѣ.

могъ надѣваться на обѣ ноги. Такіе салоги имѣли ту практическую пользу что если одинъ салогъ прорвался, то онъ одинъ замѣнялся другимъ крѣпкимъ; въ силу этого салоги весьма часто на ногахъ одного воспитанника бывали различные, но за то оба крѣпкіе. Салоги можно было мѣнять во всякое время, такъ какъ прорванная обувь, возвращаясь отъ мастера исправленною, постоянно была въ большомъ запасѣ. Для выхода къ обѣднѣ были особые салоги.

Бѣлье воспитанниковъ изготовлялось изъ холста, довольно толстаго, и дѣлилось также на три возраста и выдавалось десятками по возрастамъ; на бѣльѣ былъ только нумеръ возраста, нумера же воспитанниковъ не обозначались, такъ что бѣлье надѣвалось различное. Перемѣнялось бѣлье одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Носковъ на ногахъ не было; взамѣнъ ихъ употреблялся кусокъ полотна вершковъ 6 или 7 квадратныхъ и назывался портянка; ею нога обертывалась.

Верхнимъ платьемъ служили шинель съ капюшономъ и стоячимъ воротникомъ. Шинель дѣлалась изъ толстаго сукна чернаго цвѣта, верхняя часть имѣла подкладку изъ толстаго бѣлаго холста; воротникъ изъ краснаго сукна. Наконецъ шапка изъ чернаго сукна съ тремя красными кантами, безъ козырька.

Какъ на особенность костюма слѣдуетъ указать на то что во всемъ платьѣ не было ни одного кармана; носовой платокъ помѣщался въ рукавѣ лѣвой руки.

Учебныя книги недорогія выдавались одна на двоихъ; дорогія же одна на классъ, или даже на нѣсколько классовъ Книги по минованіи надобности возвращались обратно, причемъ необходимо было книги сохранять въ цѣлости; въ противномъ случаѣ виновные обязывались замѣнить новою.

Для освѣщенія употреблялись вездѣ сальныя свѣчи въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ.

Помѣщеніе занимаемое воспитанниками состояло изъ залъ: сборной, релетиціонной, столовой и спаленъ.

Сборный залъ состоялъ изъ трехъ обширныхъ комнатъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и имѣвшихъ приблизительно саженъ 10 въ длину и около 2 саж. въ ширину. Мебель состояла изъ двухъ или трехъ столовъ, около сажени длиной и 1 аршина шириной каждый; около каждаго стола съ двухъ сторонъ стояли скамейки. Въ этомъ же залѣ помѣщались шкафы: 1) съ классными куртками и шинелями, 2) съ учебными пособіями

всѣхъ воспитанниковъ и 3) шкафъ съ обувью. Шкафы съ книгами внутри были раздѣлены на небольшіе открытые ящики; каждому воспитаннику назначался для его книгъ и учебныхъ принадлежностей одинъ ящикъ *.

Репетиціонный залъ имѣлъ квадратную форму, около 10 аршинъ въ сторонѣ; съ трехъ его сторонъ въ формѣ буквы П стояли столы такой же формы, какъ и въ сборномъ залѣ.

Столовый залъ былъ очень обширный; въ немъ находились нѣсколько длинныхъ столовъ, за которыми могло бы помѣститься по крайней мѣрѣ 120 человѣкъ, такъ что только два стола были заняты, изъ которыхъ на одномъ, самомъ большомъ, помѣщалось 40 человѣкъ, остальные 20 на другомъ. При входѣ въ столовую, направо у стѣны стоялъ небольшой столъ, человѣкъ на восемь; онъ назывался *чернымъ* столомъ; за этимъ столомъ помѣщались тѣ изъ воспитанниковъ которые были наказаны лишеніемъ обѣда или ужина. Наказанный обязанъ былъ сидѣть все время трапезы и получалъ только одинъ кусокъ чернаго хлѣба, вслѣдствіе чего вѣроятно и самый столъ назывался чернымъ. При столовой находился буфетъ. Это комната наполненная шкафами, въ верхнихъ частяхъ которыхъ помѣщались за стеклами оловянныя миски, тарелки, ложки, кувшины для квасу. Эту посуду употребляли въ дѣло только въ дни Св. Пасхи, Рождества Христова и въ день храмоваго праздника, 24 октября. Въ нижнихъ частяхъ шкафовъ за деревянными дверцами помѣщалась деревянная посуда, ежедневно употребляемая (миски, тарелки, ложки) и глиняные кувшины для кваса. Здѣсь же находились и полотенца, которыя употреблялись въ замѣнъ ручныхъ салфетокъ.

Спальни—это три очень большія комнаты, соединенныя арками. Кровати размѣщались только у двухъ противоположныхъ стѣнъ по длинѣ комнатъ; всѣхъ кроватей было около 100; около каждой изъ нихъ стояла тумбочка, въ верхнемъ ящикѣ которой находилось мыло, а въ нижнемъ помѣщалось на ночь платье. Матрацы и подушки сдѣланы изъ кожи и набиты мочалой. Одѣяла лѣтомъ были въ родѣ тканьевыхъ, а

* Въ этомъ же залѣ на одномъ изъ оконъ помѣщался деревянный ушатъ съ квасомъ, а на другомъ окнѣ—такой же ушатъ съ водой. Въ томъ и другомъ ушатѣ находились деревянные ковши.

зимой—изъ толстаго сѣраго сукна, подшитыя очень толстымъ холстомъ сѣраго, почти чернаго цвѣта.

Въ послѣдней отъ входа комнатѣ у стѣны помѣщались иконы, которыя ижидивеніемъ воспитанниковъ были убраны драпировкой, и здѣсь же теплилась неугасимая лампада на средства собираемыя съ воспитанниковъ. Утромъ, уходя изъ спальни, и вечеромъ, ложась въ постель, каждый воспитанникъ считалъ своею обязанностію совершить молитву и положить нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ этими иконами.

Сюда же ежегодно предъ началомъ экзаменовъ приносилась по желанію и на средства воспитанниковъ икона Толгской Божіей Матери. Это *поднятіе* святыя иконы совершалось съ благими мыслями получить видимымъ образомъ благословеніе Божіе предъ началомъ такого знаменательнаго въ жизни учащихся дѣла, каковы экзамены. Спальни и столовая содержались въ замѣчательной чистотѣ; прочія комнаты не отличались внѣшнею красотой; стѣны довольно грязныя, полы не крашеные, столы и скамейки изъ простаго дерева съ ясными слѣдами того что когда-то они были окрашены черною краской.

—

При заведеніи есть церковь. При церкви находились: священникъ, онъ же былъ и законоучителемъ воспитанницъ, діаконъ и дьячекъ; всѣ они имѣли квартиры при заведеніи; служба совершалась только въ воскресные и праздничные дни. Внутренность церкви представляла нѣчто особенное; впечатлѣніе производимое ею на видѣвшаго ее въ первый разъ поразительное. Особенность церкви составляла рѣшетка, которая ограничивала всю средину церкви. Внутри рѣшетки на полу находилось зеленое сукно, на которомъ нашиты черныя узкія полосы въ разстояніи одна отъ другой вершковъ около шести. Внутри рѣшетки стояли воспитанники, а черныя полосы на сукнѣ опредѣляли то мѣсто, гдѣ они должны были размѣщаться рядами. Разговоръ былъ строго запрещенъ; въ предупрежденіе же его воспитанники размѣщались въ каждомъ ряду на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Въ задней части церкви находятся обширные хоры, подпираемые нѣсколькими колоннами; на хорахъ помѣщались всѣ воспитанницы и служащія при нихъ.

Иконы въ иконостасѣ имѣли только вѣнчики металлическіе, остальное все живописное. Только на образѣ Божіей матери „всѣмъ скорбящимъ радости“, въ честь которой созданъ храмъ, одѣяніе Божіей Матери серебряно-вызолоченное. Стѣны бѣлыя мраморныя; потолокъ въ формѣ свода изображалъ небо усѣянное звѣздами. Надъ образами въ иконостасѣ на бѣломъ фонѣ золотыми литерами изображено: „блаженъ разумѣваяй на нища и убога“ и далѣе слова этого псалма продолжаются по всѣмъ стѣнамъ и образуютъ такимъ образомъ весьма изящный и поучительный бордюръ.

Правая сторона церкви назначена для мущинъ, лѣвая для женщинъ. Окна въ церкви были только съ лѣвой стороны, а такъ какъ церковь посѣщало избранное общество, то всѣ окна были обиты подушками отъ полу на высотѣ около трехъ аршинъ. Въ правой стѣнѣ находились двѣ арки соединявшія главную церковь съ сосѣднимъ заломъ, который также составлялъ продолженіе церкви и гдѣ помѣщались всѣ желавшіе быть въ церкви.

Во время службы всѣ обязанности въ церкви исполняли воспитанники: одинъ продавалъ и ставилъ свѣчи, другой подавалъ кадило и прислуживалъ въ алтарѣ, третій ходилъ съ кружкой для сбора на украшеніе храма, четвертый читалъ вмѣсто дьячка, пятый и шестой выносили свѣтильники; словомъ, въ церкви никто кромѣ воспитанниковъ не дѣйствовалъ. Выборъ того кто долженъ исполнять какую-либо обязанность производился самими воспитанниками.

Пѣвчіе были также изъ воспитанниковъ, но такъ какъ для полнаго хора недостаточно было дѣтскихъ и юношескихъ голосовъ, то недостатокъ этотъ пополнялся чиновниками служившими въ губернскихъ учрежденіяхъ и преимущественно бывшими воспитанниками. Бывшій губернаторъ Бутурлинъ любилъ хорошее пѣніе и поощрялъ тѣхъ чиновниковъ которые участвовали въ хорѣ. Эти чиновники, числомъ болѣе десяти, добровольно, изъ любви къ пѣнію, а также изъ желанія угодить губернатору, являлись и на спѣвки. Въ то время, между прочимъ, въ числѣ такихъ добровольцевъ пѣвчихъ былъ недавно умершій артистъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ Платонъ Анемподистовичъ Радонежскій. Не утверждаю, но у насъ говорили что Радонежскому оказалъ свое содѣйствіе губернаторъ при отправленіи его за границу для музыкальнаго

образованія; воспитанники называли Радонежскаго солистомъ и онъ пользовался большимъ уваженіемъ.

Къ церкви примыкали три зала: первый назывался портретнымъ, потому что здѣсь находились портреты учредителей заведенія и нѣкоторыхъ благотворителей; второй — большой въ два свѣта съ хорами на одной сторонѣ; третій — боковой, довольно обширный, но ничѣмъ не отличавшійся. Залы эти считались лучшими въ городѣ и отдавались въ наемъ для концертовъ, баловъ, различныхъ представленій и т. п. Доходъ отъ этихъ залъ употреблялся на содержаніе воспитываемыхъ. Въ этихъ же залахъ бывали и дворянскіе выборы. Во всѣхъ случаяхъ, когда бывали собранія, нѣсколько воспитанниковъ, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, получали право быть на хорахъ.

При заведеніи находился обширный дворъ и весьма хорошій и большой садъ.

На дворѣ помѣщалась особымъ зданіемъ баня. Каждыя двѣ недѣли въ субботу утромъ въ 6 часовъ воспитанники отправлялись прямо съ постели въ баню.

Наконецъ была и своя больница. Больница состояла изъ двухъ довольно большихъ комнатъ, изъ которыхъ одна назначалась для больныхъ заразительными болѣзнями. При больницѣ былъ докторъ и сидѣлка. Докторъ въ заведеніи не жилъ, но ежедневно навѣщалъ. Докторъ не любилъ личкать лѣкарствами: обыкновенно употреблялись липовый цвѣтъ, грудной чай, горчица, касторовое масло и другія общеупотребительныя средства. Вообще здоровье воспитанниковъ отличалось крѣпостію, такъ что за всѣ шесть лѣтъ, о которыхъ мы ведемъ бесѣду, не приломнимъ ни одного смертнаго случая.

Сидѣлка при больницѣ въ то же время исполняла и обязанности кастелянши. На ея рукахъ находилось бѣлье воспитанниковъ.

Домъ Призрѣнія Ближнаго состоитъ въ вѣдѣніи Приказа Общественнаго Призрѣнія, а главнымъ начальникомъ дома былъ мѣстный губернаторъ. Ближайшее завѣдываніе возлагалось на смотрителя. Въ помощь смотрителю были два дядьки изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Наконецъ для непрерывнаго надзора въ зданіи, а также и для помощи воспитанникамъ при приготовленіи уроковъ, изъ самихъ воспитанниковъ выбирались трое, называвшіеся лекторами.

Бывшій въ то время губернаторъ Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ любилъ это заведеніе и весьма часто посѣщалъ его. Посѣщенія его обыкновенно бывали по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни. Губернаторъ почти каждый разъ бывалъ у литургіи и своимъ присутствіемъ привлекалъ бо́льшую часть знатныхъ жителей города. По окончаніи литургіи обыкновенно губернаторъ заходилъ къ воспитанникамъ, которые выстраивались въ спальняхъ, каждый около своей кровати, обходилъ всѣхъ, обращаясь къ нѣкоторымъ съ какими-либо вопросами, иногда совѣтами, наставленіями и проч.

При входѣ губернатора въ спальню его встрѣчалъ дежурный воспитанникъ и, вытянувшись въ струнку, произносилъ слѣдующее: „Имѣю честь рапортовать вашему превосходительству что въ заведеніи все обстоитъ благополучно. Воспитанниковъ по списку состоитъ столько-то, изъ нихъ больныхъ столько-то, въ отпуску столько-то, затѣмъ налицо столько-то“. Отрапортовавъ воспитанникъ тотчасъ поворачивался по всѣмъ правиламъ команды *налѣво кру-гомъ* и направлялся *вольнымъ шагомъ* къ своей кровати. Затѣмъ губернаторъ обращался къ воспитанникамъ со словами: „здравствуйте дѣти“, на что они отвѣчали перекатнымъ: „Здравія желаемъ ваше превосходительство.“

Послѣ обхода воспитанниковъ въ спальнѣ губернаторъ нерѣдко заходилъ въ столовую, куда были направляемы и воспитанники по командѣ: *стройся по два въ рядъ, скорымъ шагомъ маршъ!* Наставало время обѣда. Здѣсь въ столовой на отдѣльномъ столѣ стояли въ оловянной посудѣ пробныя порціи того что̀ приготовлено для воспитанниковъ. Дежурный воспитанникъ стоялъ около этого стола, и губернаторъ взявъ ложку, ножъ и вилку, обыкновенно отпробовавъ кушанье удалялся. Такія посѣщенія выражали въ глазахъ воспитанниковъ значеніе губернатора для заведенія. Что же касается того какое имѣлъ значеніе губернаторъ вообще въ дѣлахъ заведенія, для воспитанниковъ это оставалось неизвѣстнымъ; мы знали только что онъ есть главное лицо и безъ его разрѣшенія не производилось никакихъ мѣропріятій.

Смотритель дома—это ближайшій начальникъ и хозяинъ заведенія. Онъ завѣдывалъ всѣми отдѣлами управленія. Смотритель помѣщался на казенной квартирѣ въ отдѣльномъ корпусѣ на дворѣ заведенія. Не знаю какъ велико содержаніе

получалъ онъ, но всѣ три которые были въ продолженіе шести лѣтъ моего пребыванія тамъ (1851—57) жили весьма порядочно.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ чертахъ каждаго изъ трехъ смотрителей бывшихъ при мнѣ. Первый изъ нихъ, отставной штабсъ-капитанъ Мацкевичъ, раненый гдѣ-то въ ногу и ходившій при помощи костыля. Человѣкъ былъ очень крутой, дерзкій, рѣдко показывавшійся въ средѣ воспитанниковъ и наводившій каждый разъ ужасъ и страхъ своимъ появленіемъ. Посѣщенія свои онъ большею частію дѣлалъ только тогда когда находилъ нужнымъ кого-либо наказать. Отсюда понятенъ страхъ когда мы слышали стукъ приближающагося костыля. Эти посѣщенія бывали по большей части вечеромъ около девяти часовъ, когда оканчивалось время приготовленія уроковъ и наставало время ужина. Выстроившись по звонку въ двѣ шеренги въ сборной комнатѣ, мы слышали команду *на-лѣво*, и тогда у каждаго начинало дрожать сердце, каждый боялся быть наказаннымъ. Такое настроеніе производило зловѣщее *на-лѣво*, потому что вслѣдъ за этимъ по командѣ: *лѣвое плечо впередъ*, *скорымъ шагомъ маршъ!* вся колонна направлялась въ рекреаціонную комнату, гдѣ и производилась экзекуція предъ строемъ всѣхъ воспитанниковъ. Если же посѣщеніе не имѣло въ виду совершенія наказанія, то команда должна быть *на-право*, что̀ означало путь въ столовую къ ужину. Мацкевичъ не былъ воспитателемъ, отцомъ дѣтей; нѣтъ, онъ былъ разъяренный звѣрь, притомъ невѣжда; если кто-либо изъ воспитанниковъ обращался къ нему за совѣтомъ, то вмѣсто добраго сердечнаго слова получалъ только брань или ударъ костылемъ. Не много доброй памяти оставилъ по себѣ этотъ начальникъ-воспитатель.

Другой не долгое время управлявшій заведеніемъ, былъ некрупный чиновникъ Приказа Общественнаго Призрѣнія Радюкинъ. Это истый чиновникъ стараго времени. Появлялся онъ въ средѣ воспитанниковъ часто, ничего рѣзкаго и ничего излишне мягкаго отъ него не было слышно; во всѣхъ его стремленіяхъ проглядывало одно—экономія, экономія и экономія. Какая была цѣль этой экономіи, для насъ оставалось неяснымъ.

Наконецъ третій, выслужившійся изъ сдаточныхъ солдатъ отставной полковникъ Котроховъ. Человѣкъ весьма добрый,

любившій хвалить и поощрять тѣхъ воспитанниковъ которые оказывали хорошіе успѣхи; удивлявшійся тому что въ гимназіяхъ учатъ не только дроби, но и что-то еще далѣе дробей. Такъ какъ дѣти его были помѣщены въ Московскій кадетскій корпусъ, чѣмъ онъ гордился, то онъ не зналъ имени выше кадета, а такъ какъ послѣднее время онъ служилъ командиромъ военныхъ кантонистовъ, которыхъ онъ не любилъ, то хуже кантониста по его понятіямъ не было ничего. Это особенно проявлялось во время маршировки: если прошли исправно, то въ видѣ похвалы онъ говорилъ: „молодцы кадеты!“ если же исполненіе было дурно, то онъ кричалъ: „кантонисты!“ Хотя самъ полковникъ былъ человѣкъ необразованный, но всегда поощрялъ хорошо учащихся и съ любовію относился къ таковымъ; вообще онъ былъ лучше всѣхъ пережитыхъ мною. Это былъ человѣкъ съ практическимъ умомъ, съ большою опытностію въ жизни и стремившійся по своему разумѣнію быть полезнымъ воспитанникамъ. Добрая память тебѣ, честный труженикъ!

Слѣдующее по порядку начальство изображали дядьки, отставные унтеръ-офицеры. Ихъ было два. Они по очереди оставались непрерывно въ продолженіе сутокъ вмѣстѣ съ воспитанниками. Утромъ въ 6 часовъ дежурный изъ нихъ ходилъ по спальнямъ съ колокольчикомъ въ рукахъ и звономъ пробуждалъ воспитанниковъ. Затѣмъ командовалъ къ молитвѣ, провожалъ учащихся въ гимназію и обратно, и вообще все распредѣленіе дня зависѣло отъ него и колокольчика, который былъ въ его распоряженіи. У этихъ же дядекъ хранилось платье, обувь и учебныя пособія. Они облечены были и властью надъ воспитанниками: оставить безъ отпуска въ праздничный день, лишить обѣда или ужина, поставить на колѣна, дать затрещину или линокъ и много другихъ педагогическихъ мѣръ было въ ихъ распоряженіи. Дежурный дядька спалъ вмѣстѣ съ воспитанниками.

Между бывшими дядьками былъ одинъ весьма замѣчательный, фамилія его Кучумовъ. Какъ старый солдатъ, онъ былъ дисциплинованъ превосходно и въ дни своихъ дежурствъ строго наблюдалъ чтобы все было исполнено въ назначенную минуту. Такъ, около шести часовъ утра онъ уже съ колокольчикомъ въ рукахъ стоялъ около часовъ чтобы тотчасъ послѣ перваго удара начать свой трезвонъ, и точно также былъ аккуратенъ во всемъ въ теченіе дня. Утверждая что

онъ происходитъ отъ мѣстныхъ дворянъ Кучумовыхъ, онъ старался быть гордымъ и чѣмъ-то важнымъ. Но это ему не удавалось: военная служба, притомъ весьма продолжительная, оставила на немъ неизгладимый типъ простаго солдата держащагося на вытяжкѣ и внимательно приглаживающаго свои длинные усы. Воспитанники боялись его и избѣгали случаевъ могущихъ навлечь его негодованіе; они знали что въ результатѣ будетъ и подзатыльникъ, и лишеніе обѣда, и ближайшее воскресенье придется быть въ заключеніи. Воспитанники дядькамъ говорили *вы*, они же ко всѣмъ обращались со словомъ *ты*; а къ этому *ты* возможно было прибавлять какіе угодно эпитеты, въ родѣ: каналья, мерзавецъ, ракалія и др. Ракалія — любимое слово Кучумова, имѣвшее крупное бранное значеніе.

Къ числу наблюдающихъ лицъ принадлежали еще *лекторы*. Ихъ было три. Они избирались смотрителемъ изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ гимназіи отличавшихся своими успѣхами и поведеніемъ. Всѣ воспитанники дѣлились на три отдѣленія, изъ которыхъ каждымъ завѣдывалъ одинъ изъ лекторовъ. На обязанности лектора было: 1) наблюденіе за порядкомъ въ стѣнахъ заведенія, и 2) пособія при занятіяхъ. Лекторъ имѣлъ право останавливать каждаго производящаго какое-либо нарушеніе порядка, онъ могъ наложить наказаніе также какъ и дядька, онъ могъ просить смотрителя о наказаніи виновнаго болѣе серіозными взысканіями. Но главнѣйшею обязанностію лектора была помощь ученикамъ своего отдѣленія при затрудненіяхъ въ приготовленіи уроковъ. Съ этою цѣлью во время репетицій, которыя продолжались съ $5^1/_2$ до 8 часовъ вечера, воспитанники имѣли право обращаться къ своему лектору для разъясненія всѣхъ встрѣчающихся недоразумѣній. Къ чести лекторовъ должно отнести что это исполнялось до послѣдней возможности добросовѣстно; лекторы всегда съ удовольствіемъ исполняли желанія ввѣренныхъ имъ воспитанниковъ. Въ 8 часовъ вечера дежурный дядька громогласно произносилъ: *слушать уроки!* Тогда лекторы отправлялись въ свое отдѣленіе и ловѣряли каждый выучены ли уроки и если таковые найдены неисправными, то обязывали незнающихъ учить и послѣ ужина, когда всѣ уже ложатся спать. Выслушиваніе уроковъ у неисправныхъ учениковъ происходило или въ тотъ же вечеръ, или же на слѣдующій день утромъ. Неисполняющіе уроковъ своевременно

наказывались самимъ лекторомъ. Лекторамъ предоставлялось право заниматься приготовленіемъ своихъ уроковъ и послѣ ужина, но не далѣе 11 часовъ; разрѣшеніе это было необходимо, такъ какъ во время репетицій они часто бывали отрываемы отъ своихъ занятій. За свои труды лекторы получали жалованье въ размѣрѣ 20 рублей сер. въ годъ, но это жалованье выдавалось только при выходѣ воспитанника послѣ окончанія гимназическаго курса. Деньги эти выдавались даже съ наросшими процентами, такъ что получалась иногда довольно почтенная цифра, въ особенности для бѣднаго человѣка; напримѣръ, лишущему эти строки пришлось получить лекторскихъ денегъ 48 руб. 56 кол.

Въ дополненіе ко всѣмъ упомянутымъ власть имѣющимъ остается прибавить о существованіи такъ-называемыхъ *десятскихъ*. Десятскихъ было шесть, между которыми и три лектора. Обязанность ихъ состояла въ слѣдующемъ: послѣ утренней молитвы, предъ завтракомъ, каждый десятскій осматривалъ у своего десятка, въ порядкѣ ли находятся платье и обувь, то-есть вычищены ли сапоги и луговицы на курткѣ, вычищена ли куртка, вымыты ли лицо, руки, нѣтъ ли на рукахъ длинныхъ ногтей и т. л. Оказавшійся не въ должной чистотѣ, по указанію десятскаго, обязанъ былъ прежде привести себя въ надлежащій порядокъ, представиться вновь къ своему десятскому и только тогда могъ получить завтракъ.

Вотъ и все управленіе. Никакихъ канцелярій, письмоводителей, экономовъ, писарей не было. Все приказывалось на словахъ и приводилось въ исполненіе тотчасъ же. Письменные отчеты только и представлялись смотрителемъ о хозяйственныхъ расходахъ по заведенію, да лекторы ежемѣсячно представляли аттестаціи объ успѣхахъ ввѣренныхъ имъ воспитанниковъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о *дежурныхъ* воспитанникахъ. Изъ учениковъ гимназіи, начиная съ четвертаго класса, одинъ по очереди назначался *дежурнымъ*. Главною обязанностью его было: 1) наблюденіе за исправнымъ веденіемъ дѣла на кухнѣ и 2) наблюденіе за чистотой во всемъ заведеніи. Съ этою цѣлью дежурный освобождался отъ посѣщенія уроковъ въ гимназіи, отправлялся въ кухню при пріемѣ мяса, присутствовалъ при приготовленіи его, при немъ оно завязывалось въ особо устроенныя веревочныя сѣтки и опускалось въ котлы для варки; крупа точно также при немъ

заваривалась и котелъ имъ запирался. Предъ обѣдомъ мясо вынималось и рѣзалось при немъ. Дежурный утромъ въ 8 часовъ являлся къ смотрителю съ рапортомъ писаннымъ на осьмушкѣ бумагѣ, въ которомъ обозначалось число воспитанниковъ по списку, число находящихся въ больницѣ, въ отпуску; число (съ обозначеніемъ фамилій) воспитанниковъ заболѣвшихъ и остающихся въ заведеніи ожидать доктора. Вечеромъ предъ ужиномъ также дежурный являлся къ смотрителю отрапортовать о томъ что въ теченіе дня все обстояло благополучно.

Обязанность дежурнаго для усердныхъ учениковъ представляла весьма непріятную повинность: нужно цѣлый день сидѣть во всемъ заведеніи одному, имѣя въ глазахъ только одного очереднаго служителя, а главное не имѣть права быть въ гимназіи. Лучшіе ученики нерѣдко прибѣгали къ такому пріему: просили за себя дежурить того кому приходится дежурить въ ближайшій праздничный день, а его день принимали на себя. Подобная замѣна одного другимъ съ согласія лекторовъ утверждалась смотрителемъ. Желавшій перемѣнить день своего дежурства въ оправданіе своей просьбы говорилъ что сегодня на такомъ-то урокѣ учитель обѣщалъ сдѣлать весьма серіозное сообщеніе, или произвести какой-либо опытъ, или что-нибудь вообще необычайное, которое пропустить крайне непріятно и можетъ повлечь за собою весьма важную въ наукѣ потерю. Обыкновенно такія перемѣны удавались; или же дежурнымъ назначался тотъ кто остается ожидать доктора.

Образъ жизни воспитанниковъ не отличался разнообразіемъ, но порядокъ царствовалъ во всемъ. Въ шесть часовъ утра звонокъ дежурнаго дядьки приглашаетъ пробуждаться. Каждый обязанъ былъ вычистить себѣ сапоги, луговицы и все платье, убрать свою кровать, вымыться и быть готовымъ къ семи часамъ. Въ семь часовъ общая молитва; молитвы пѣли всѣ воспитанники; тотчасъ послѣ молитвы осмотръ десятскими своихъ десятковъ; завтракъ. Завтракъ состоялъ изъ полуфунта хлѣба, испеченаго въ домашней кухнѣ изъ подрукавной * муки. Временемъ до восьми съ половиной часовъ предоставлялось располагать воспитанникамъ по своему усмотрѣнію: въ это время можно было встрѣтить

* Хлѣбъ изъ этой муки нѣсколько бѣлѣе пеклеваннаго.

многихъ занятыхъ повтореніемъ уроковъ, нѣкоторые играли, гуляли въ саду; а болѣе богатые (конечно сравнительно только) отправлялись или къ одному изъ дядекъ или кому-либо изъ служащихъ солдатъ пить *свой* чай. Такихъ впрочемъ счастливчиковъ бывало не болѣе двухъ трехъ изо всего числа воспитанниковъ. Въ восемь съ половиной часовъ раздается звонокъ съ командой дядьки: *становись въ классы.* Установившись въ пары и вставъ предъ образомъ, воспитанники поютъ молитву *Спаси Господи люди твоя* и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, направляются въ гимназію въ сопровожденіи дежурнаго дядьки. Гимназія отстоитъ на разстояніи семи—восьми минутъ отъ заведенія. Ко времени большой (получасовой) перемѣны дядька уже у дверей гимназіи: онъ ожидаетъ желающихъ отправиться въ заведеніе для полученія казеннаго завтрака, состоявшаго изъ куска приличныхъ размѣровъ чернаго хлѣба съ солью. Такихъ желающихъ оказывалось большинство, и вотъ они, пробывъ не болѣе десяти минутъ въ заведеніи, тѣмъ же порядкомъ какъ и утромъ снова отправляются въ гимназію. По окончаніи уроковъ въ гимназіи всѣ воспитанники идутъ вмѣстѣ по два въ рядъ и опять-таки въ сопровожденіи того же дядьки. По возвращеніи изъ гимназіи воспитанники перемѣняютъ классныя куртки на домашнія и построившись въ пары направляются въ столовую—обѣдать. Предъ обѣдомъ, а также и послѣ обѣда молитвы поютъ всѣ воспитанники. Меню обѣда заранѣе извѣстно, оно выполняется неизмѣнно въ продолженіе цѣлаго года и состоитъ: въ понедѣльникъ и четвергъ изъ щей и гречневой каши, во вторникъ и субботу изъ картофельнаго супа и гречневой каши, въ середу и пятницу изъ гороха и гречневой каши съ конопляным масломъ, а въ прочіе дни съ коровьимъ масломъ; въ воскресенье и праздничные дни меню слѣдующее: щи, пироги съ гречневою кашей, жареная телятина и пшенная каша; въ постные же праздничные дни телятина замѣнялась какою-нибудь рыбой. Посты всѣ, даже среда и пятница, въ продолженіе всего года строго соблюдались, причемъ самыя блюда не измѣнялись. *

---

* Считаю долгомъ прибавить что въ скоромные дни горячее подавалось съ говядиной и горячаго можно было требовать сколько угодно, каша же отпускалась опредѣленными порціями. Черный хлѣбъ не имѣлъ ограниченій.

Не лишнее познакомить читателя и съ сервировкой. Столы были покрыты бѣлою скатертью. Приборъ каждаго состоялъ изъ плоской деревянной тарелки и круглой деревянной ложки. Приборы покрыты полотенцами, изъ которыхъ каждое покрываетъ три прибора; эти полотенца замѣняютъ ручныя салфетки и каждое служитъ троимъ рядомъ сидящимъ. Кушанья подавались въ деревянныхъ мискахъ, которыя воспитанники называли купелями; каждая купель была общею для шестерыхъ, по три человѣка съ каждой стороны. На концахъ же столовъ, которые были закруглены, купель была общею для осьмерыхъ. Исключеніе составляла только жареная телятина въ праздничные дни; порція телятины каждому давалась отдѣльно на его тарелку и для нея подавались ножи и вилки. Для полноты описанія сервировки слѣдуетъ упомянуть что на столѣ помѣщалось нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ съ домашнимъ квасомъ и столько же оловянныхъ стакановъ.

По окончаніи обѣда, время до пяти съ половиной часовъ употреблялось на отдыхъ и прогулку. Въ это время разрѣшались игры, качанье на качеляхъ и пр.* Въ пять съ половиной часовъ дежурный дядька идетъ по комнатѣ, двору и саду, выкрикивая: *за столы!* Это означало что настало время приготовленія уроковъ. Всѣ воспитанники направляются въ репетиціонную комнату, усаживаются за столы, причемъ учащіеся въ одномъ и томъ же классѣ помѣщаются рядомъ. Лекторы наблюдаютъ за порядкомъ и слѣдятъ чтобы каждый занимался дѣломъ; съ этою цѣлію они поочереди обходятъ всѣхъ воспитанниковъ и, въ случаѣ замѣченныхъ безпорядковъ, читаютъ наставленія или наказываютъ (удаляютъ на средину комнаты, становятъ на колѣна). Во все время репетицій воспитанникамъ не понимающимъ чего-либо предоставляется право обращаться къ лекторамъ за разъясненіями, что всегда исполнялось лекторами съ полнымъ желаніемъ помочь меньшему изъ братій. Въ восемь часовъ дежурный дядька провозглашаетъ: *слушать уроки!* Лекторы тотчасъ отправлялись въ свои отдѣленія и провѣряли, выучены ли уроки. Повѣрка эта производилась съ нѣкоторымъ тактомъ: преимущественное вниманіе обращалось на слабыхъ и нерадивыхъ; исправные же ученики большею частію освобождались

* Два раза въ недѣлю въ это же время обучались маршировкѣ.

лекторомъ отъ контроля, чѣмъ гордились безконтрольные и къ чему стремились вообще воспитанники; этотъ пріемъ, между прочимъ, служилъ двигателемъ къ возвышенію успѣшности воспитанниковъ. Освобожденные отъ спрашиванія уроковъ съ восьми часовъ получали свободу. *

Въ девять часовъ ужинъ; онъ состоялъ изъ тѣхъ же блюдъ какъ и обѣдъ, въ праздничные дни ужинъ состоялъ только изъ щей и каши. По окончаніи ужина здѣсь же въ столовой общая молитва (всѣ воспитанники поютъ) и затѣмъ тотчасъ спать.

Распредѣленіе дня измѣнялось наканунѣ праздниковъ и въ праздники. Наканунѣ праздничнаго дня послѣ завтрака одинъ изъ воспитанниковъ, отличавшійся красивымъ почеркомъ, садился за столъ, приглашая желающихъ *записаться въ отпускъ*. На осьмушкѣ бумаги онъ записывалъ фамиліи каждаго дѣлавшаго ему заявленіе. Составленный списокъ представлялся лекторамъ для просмотра. Лекторы *вычеркивали* фамиліи тѣхъ которые въ продолженіе недѣли учились неисправно, или были замѣчены въ дурномъ поведеніи. Затѣмъ такое же вычеркиваніе производили дядьки. Начинались безконечныя просьбы, клятвы, обѣщанія зачеркнутыхъ, но всѣ эти мольбы большею частію не имѣли успѣха. Послѣ зачеркиваній списокъ переписывался возможно изящно и препровождался дежурнымъ воспитанникомъ къ смотрителю также для вычеркиваній; списокъ этотъ отъ смотрителя возвращался черезъ того же дежурнаго въ то время когда возвращались изъ гимназіи.

По возвращеніи изъ гимназіи воспитанники которымъ разрѣшенъ отпускъ смотрителемъ могли тотчасъ, если желали, отправляться, или же могли и оставаться столько времени сколько хотѣли. Послѣ обѣда до шести часовъ приготовлялись ко всенощной: чистили сапоги, платье, вымывались, приглаживались; состоявшіе же въ хорѣ пѣвчихъ кромѣ того отправлялись на спѣвку. Пѣвчіе могли уходить въ отпускъ только послѣ обѣдни въ праздникъ.

---

* Два раза въ недѣлю, а иногда и болѣе, въ восемь часовъ являлся учитель пѣнія, котораго воспитанники называли регентомъ, и начинался урокъ пѣнія. Эти уроки, смотря по надобности, продолжались иногда часовъ до одиннадцати вечера, когда требовалось приготовить что-либо новое къ ближайшему празднику; это въ свою очередь происходило отъ желанія учителя угодить губернатору.

Въ шесть часовъ колоколъ ударяетъ ко всенощной. Тотчасъ одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ отправляется доложить губернатору о томъ что служба начинается. Выстроившись въ ряды отправляются въ церковь и занимаютъ назначенное мѣсто. По окончаніи всенощной ужинъ, а затѣмъ и спать. Весной и осенью въ эти дни дозволялось гулять на дворѣ или въ саду до 10 часовъ.

Въ праздничные дни звонокъ призывающій просыпаться раздавался въ $7^1/_2$ часовъ и затѣмъ все время до начала обѣдни, то-есть до 10 часовъ, воспитанники приготовлялись къ обѣднѣ; каждый стремился быть безукоризненно-чистымъ, чтобы не заслужить отъ кого-либо порицанія. Въ 10 часовъ, при ударѣ колокола, опять одинъ изъ воспитанниковъ отправляется къ губернатору съ докладомъ о началѣ обѣдни. Къ обѣднѣ обязаны являться всѣ воспитанники находящіеся въ отпуску. Во время обѣдни *Символъ вѣры*, *Отче нашъ* вмѣстѣ съ хоромъ поютъ всѣ воспитанники и воспитанницы. Во время молебновъ также поютъ *Тебѣ Бога хвалимъ*. Въ такіе моменты кажется поющею вся церковь и это производитъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ во храмѣ.

По окончаніи обѣдни обѣдъ, и затѣмъ до 8 часовъ вечера предоставляется каждому воспитаннику распологать временемъ по своему усмотрѣнію. Въ 8 часовъ ужинъ и затѣмъ направляются спать.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ежегодно ожидали воспитанники 24 октября; это былъ день храмоваго праздника, такъ какъ церковь была посвящена „Божіей Матери всѣмъ скорбящимъ радости“. Къ этому дню и новыя куртки готовились, новые салоги выдавались, такъ что каждому представлялась возможность щегольнуть обновкой, но предъ кѣмъ? Только предъ самимъ собою. На лицахъ всѣхъ воспитанниковъ сіяла радость и вслѣдствіе праздника, и вслѣдствіе цѣлаго ряда обновъ, и вслѣдствіе ожидаемаго угощенія.

И дѣйствительно ожиданія сбывались ежегодно во всѣ шесть лѣтъ о которыхъ мы здѣсь вспоминаемъ.

Послѣ обѣдни губернаторъ въ этотъ день, вмѣстѣ съ многими почетными лицами города, заходилъ къ воспитанникамъ, поздравлялъ ихъ съ праздникомъ, на что тѣ громогласно отвѣчали: „покорнѣйше благодаримъ ваше превосходительство“, и затѣмъ всѣ посѣтители заходили къ обѣду, который состоялъ изъ тѣхъ же неизмѣнныхъ блюдъ каковыя бывали и во всякій праздничный день.

Во время обѣда смотритель сообщалъ что нѣкоторыя лица изъ общества прислали воспитанникамъ различныхъ лакомствъ, каковы: орѣхи, пряники, конфеты, фрукты и пр., а Ив. Сем. Соболевъ кромѣ лакомствъ прислалъ чаю и сахару. Этотъ почтенный членъ Ярославскаго общества и кромѣ 24 октября иногда присылалъ намъ чаю, зная что для насъ этотъ напитокъ недоступенъ; за это вниманіе воспитанники любили Ивана Семеновича и въ немъ видѣли человѣка всегда душевно радѣющаго объ участи ихъ. Зайдетъ Иванъ Семеновичъ какъ-нибудь неожиданно къ воспитанникамъ, обласкаетъ ихъ, обойдется съ ними какъ нѣжный отецъ; воспитанники окружаютъ его, каждый старается добиться того чтобы къ нему было обращено хотя одно слово его и считаетъ себя въ эту минуту счастливымъ.

Тотчасъ послѣ обѣда лекторамъ отдается все присланное для воспитанниковъ. Нѣсколько другихъ воспитанниковъ отправляются къ смотрителю, священнику, діакону, дядькамъ и пр. просить самоваровъ, чайниковъ, чашекъ. Все это быстро является, такъ какъ никто ни въ чемъ не отказываетъ.

Начинается килучая жизнь: тамъ лекторы дѣлятъ все полученное на шесть равныхъ частей и каждую отдаютъ десятскому для раздѣла между воспитанниками своего десятка: здѣсь наливаютъ воду въ самоваръ, тутъ одинъ изъ воспитанниковъ, снявъ салогъ, раздуваетъ имъ самоваръ; тамъ устанавливаютъ чашки. Наконецъ дѣлежъ сластей оконченъ; всѣ усѣлись около самоваровъ, раздается стукъ чашками и оживленный разговоръ о разныхъ вопросахъ относящихся къ событіямъ дня. Такъ, мы слышимъ:

— А каково сегодня мы концертъ-то пролѣли.

Это говоритъ солистъ изъ лѣвчихъ.

— Еще бы не пролѣть-то, сколько времени вы учили.

— А замѣтили ли вы, какъ всѣ въ церкви-то не молились во время концерта, а только слушали?

И дѣйствительно, къ этому дню лѣвчіе ежегодно разучивали какой-нибудь новый концертъ, который и исполняли взамѣнъ причастнаго стиха. Исполненіе бывало безукоризненно.

Въ другомъ мѣстѣ слышимъ:

— Дай Богъ здоровья Ивану Семеновичу; еслибы не онъ, пожалуй остались бы мы безъ чаю.

— Ну, тогда прислалъ бы Пастуховъ, говоритъ другой.

— Да, какъ же, много дождешься отъ Пастухова. Нѣтъ, ужь нѣтъ-то догадливѣе Ивана Семеновича.

Подходимъ къ новой группѣ: лица ихъ уже разгорѣлись, первые порывы удовольствія миновались, и одинъ изъ нихъ говоритъ:

— А когда же готовить уроки-то будемъ? сегодня вѣдь пожалуй не удастся.

— Ничего; велимъ завтра разбудить насъ въ четыре часа и успѣемъ все сдѣлать: до классовъ времени много.

Чаепитіе продолжается до вечера, оно прерывается прогулками, пѣніемъ пѣсенъ, различными играми, и когда настаетъ время ужина, бо́льшая часть отказываются отъ него и въ столовой едва насчитаешь человѣкъ 10, 12, не болѣе. Не лишнимъ замѣтить что въ этотъ день въ отпускъ не ходили, всякій считалъ удовольствіемъ свой праздникъ провести вмѣстѣ со своими товарищами.

Подобное чаепитіе повторялось въ ближайшіе воскресные дни, пока истощался весь запасъ.

Остается дополнить что во время экзаменовъ въ гимназіи воспитанникамъ предоставлялось самимъ заботиться о своихъ обязанностяхъ; весь день каждый могъ быть гдѣ хотѣлъ; въ это время можно было встрѣтить и гдѣ-нибудь въ углѣ комнаты сидящаго за книгой, подъ каждымъ кустомъ въ саду лежитъ кто-нибудь съ книгой; не мало скрывалось даже въ дровахъ между полѣнницами. Но часовъ около восьми вечера всѣ воспитанники сходятся въ саду, или на дворѣ и до девяти часовъ поютъ хоромъ пѣсни; пѣсни пѣлись все русскія, напримѣръ: *Громъ побѣды раздавайся*, *Солнце на закатъ*, *Возлѣ рѣчки*, *возлѣ мосту*, *Вдоль да по рѣчкѣ* и многія другія.

Вотъ и вся жизнь воспитанника. Несмотря на всю бѣдность содержанія, воспитанники чувствовали себя не только довольными, но и счастливыми; въ бесѣдахъ между собою не слышно было выраженій неудовольствія, не высказывались проекты того, какъ бы слѣдовало измѣнить существующій порядокъ, не высказывалось порицанія дѣйствій тѣхъ лицъ которыя имѣли какую-нибудь власть.

Воспитанникъ если высказывалъ свои планы на жизнь, то непремѣнно кончалъ тѣмъ что лучше и больше не желалъ бы еслибы достигнуть званія учителя гимназіи. Учитель гимназіи—это былъ идеалъ, но идеалъ почти недосягаемый. Въ учителѣ воспитанникъ (да такъ впрочемъ думало большинство

учениковъ гимназіи) видѣлъ всѣ совершенства, онъ съ особою радостію разказывалъ своимъ товарищамъ что сегодня ему удалось послѣ класса поговорить съ такимъ-то учителемъ; онъ гордился этимъ, онъ записывалъ этотъ день и разговоръ въ свою памятную книжку или дневникъ, который, кстати сказать, вели многіе ученики.

Хотя воспитанники управлялись главнымъ образомъ лекторами и дядьками, но къ чести ихъ можно сказать что поведеніе было безукоризненное; мы не помнимъ ни одного проступка который бы могъ лечь чернымъ пятномъ на заведеніе. Самыми крупными проступками считались: куреніе табаку, опаздываніе изъ отпуска и неявка изъ отпуска къ обѣднѣ. За эти проступки и были налагаемы самыя тяжелыя наказанія.

Отношенія между воспитанниками были искренне-дружескія; старшіе не чуждались младшихъ, а наоборотъ, они охотно являлись на помощь имъ, если въ томъ была надобность.

Воспитанники каждое дѣло начинали не иначе, какъ молитвой; посѣщеніе храма Божія исполнялось неуклонно и всегда съ искреннимъ желаніемъ. Въ подтвержденіе этому приведемъ слѣдующій фактъ. Весьма нерѣдко случалось что въ теченіе недѣли по какому-нибудь случаю совершается въ церкви служба; воспитанники знаютъ объ этомъ и сами стремятся въ церковь. Для удовлетворенія своего желанія выучивали уроки тотчасъ послѣ обѣда и просили позволенія у своего лектора отправиться ко всенощной, обязуясь по окончаніи службы сдать уроки. Обѣдня же въ будничные дни бывала часовъ въ 6 или 7; бо́льшая часть воспитанниковъ посѣщала эти обѣдни.

Звонъ колокольчика или крикъ дядьки—вотъ главнѣйшіе распорядители и управители; но какъ имъ повиновались? Дай Богъ чтобы столь же точно каждый исполнялъ въ жизни свои обязанности; также ревностно стремился выполнить свой долгъ—тогда намъ не пришлось бы слышать о тѣхъ печальныхъ, скорбныхъ явленіяхъ которыя такъ тяжело дѣйствуютъ на людей искренно преданныхъ своему дѣлу и свято исполняющихъ свои обязанности.

Уваженіе къ старшимъ и, въ особенности, облеченнымъ нѣкоторою властью было вполнѣ образцовое. Стоило только взглянуть на отношенія воспитанниковъ къ лекторамъ.

Лекторъ сказалъ что должно сдѣлать то-то; повѣрьте что повтореній не потребуется, сказанное будетъ исполнено съ совершенною точностію. Здѣсь не было ни возраженій, ни заявленій, ни объясненій: сказано—сдѣлано.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ течетъ жизнь воспитанниковъ въ настоящее время; знаемъ только что вся жизнь значительно измѣнилась, подчиняясь конечно вѣяніямъ времени. Но дай Богъ чтобы сохранился тотъ нравственный духъ заведенія который былъ въ немъ четверть вѣка назадъ. Дай Богъ чтобы въ нашемъ дорогомъ отечествѣ побольше было заведеній которыя подобно Дому Призрѣнія Ближняго давали возможность дѣтямъ бѣдныхъ чиновниковъ получать образованіе и чтобы воспитаніе ихъ не пріучало къ роскоши, нѣгѣ и всему тому что составляетъ вредъ юношеству... При воспитаніи подобномъ тому какое давалось въ Домѣ Призрѣнія смѣло можно надѣяться что питомцы его будутъ вѣрными слугами Царя и Отечества, честными исполнителями своего долга, искренно, всецѣло преданными своему дѣлу.

Д. НАЗАРОВЪ.